

Сергей ПОДГОРНОВ

ОПЯТА

Р а с с к а з

Деньги, деньги... Черт возьми, эта вечная нехватка денег! Из гостиницы придется прямо сейчас съехать. И сегодня же надо купить билеты на самолет. Почему мы не озаботились этим раньше? Я-то куда смотрел? Проморгал, как последний идиот. Перенестись из Владивостока в Сибирь — попробуйте, кто не пробовал. Да еще и летом, когда местные отпускники мечтают рвануть на запад, понежиться в Сочи или в Крыму. Билетов может и не быть...

Зачем мы здесь оказались? Что мы тут забыли? И наберем ли денег на обратную дорогу? В гостинице могли бы сделать скидку. Все равно в этом номере других постояльцев, кроме нас с женой, нет. Не номер, а палата в захудалой больнице: несколько коек в три ряда. И простыни сырые...

Вечер. Длинная, с облупившейся краской скамейка. За спиной — глухой деревянный забор. На нем вперемежку обрывки старых афиш и частные объявления. Кто-то хочет продать собаку. Нам не нужна собака.

Удалось ли взять билеты на самолет? Вся наличность у жены, и я хочу спросить, летим мы или нет. Но между нами, слева от меня, сидит незнакомый человек лет тридцати. Он из этих, *из новых*, и ко мне почти не обращается, а если и обращается, то подчеркнуто небрежно. Он разговаривает с Варей, я не вникаю о чем. Но не хотелось бы, чтобы он знал о наших денежных затруднениях, мне это будет неприятно.

Холодно. Очень холодно. Почему я в одной рубашке? Где моя куртка?..

Я просыпаюсь. Одеядо сползло с плеча. В приоткрытую створку окна втекает уличный воздух. Варя тихонько посапывает. Это она утянула одеядо к себе. Рассвет только-только начинает угадываться. Сколько времени? Подношу к глазам левую руку. В темноте на часах с трудом различаю: без десяти пять. Надо вставать, все равно больше не усну. Сегодня пятница? Да, пятница. День отработаю, впереди два выходных. Вот и хорошо.

Жена поднимается, когда я уже позавтракал. Если ей в первую смену, она уходит раньше, но лежит до последнего: любит поспать. Собирается торопливо, наспех красит губы. Разговоры у нас утром короткие.

— Ты теплицу открыл?

— Нет, прохладно. На улице плюс шесть.

— Уходить будешь — открой.

— Зачем? Днем жары не обещают, помидоры не сгорят.

— Второй день Тошки не вижу: куда запропастилась?

— Придет. Нагуляется и придет.

— Уже нагулялась. Со дня на день жди приплода.

Тошка — это наша рыжая мышеловка. Свои обязанности выполняет исправно, мышей в доме нет. Вот только котов любит до остервенения и никогда не бывает в простое: едва скинет очередных котят, как тут же нагуливает новых. Котят девать некуда, и мне приходится их топить. Процедура неприятная, после нее на целый день пропадает настроение.

Жена мельком оглядывает себя в зеркало у двери. Поспешный поцелуй.

— Я после работы в магазин заскочу.

— Купи плавленых сырков. Если рыбалка не сорвется — возьму с собой.

— Плохо, что у нас нет машины.

Это дежурный упрек в мой адрес. Когда-то мы даже ругались. Она настаивала на покупке, я говорил: согласен, но водить будешь ты. Она отвечала, что настоящий мужик машину водить обязан. Я возражал, что настоящий мужик проявляется в чем-то другом, а вовсе не в вождении.

— А у тебя сегодня что? — Это она уже спускаясь с крыльца.

— С утра на очистные, экзамены принимать. Потом — не знаю.

Она спешит к калитке с сумочкой и пакетом. Из пакета торчит вырезанный из картона ярко размалеванный паровозик с огромной трубой и рожницей, на рожнице округленные глаза и рот, растянутый в улыбке, — игровые комнаты в детском саду воспитатели оформляют сами. Я сначала ей завидовал: это ж надо — до глубокой старости в игрушки играть! Потом, когда раз-другой услышал в мобильнике вопли и рев ее двухлетних подопечных, зависти поубавилось.

Однако и мне пора собираться. В комнате, на столике, обнаруживаю мобильник жены. Опять. В последние год-два Варя стала очень рассеянной. То мобильник дома забудет, то какие-нибудь рисунки и планы для работы. Я — ничуть не лучше. Но я, по крайней мере, каждый раз перед выходом проверяю, все ли необходимое положил в карманы.

Из дома отправляюсь в пять минут восьмого. До остановки у городской больницы, где меня подхватит дежурка, десять минут неспешного хода. Улица пока спит. Лишь торчащие из стен «триколоровские» тарелки смотрят мне вслед. За плотным и высоким дощатым забором слева сухо щелкают раскалываемые дрова. Кто колет — не видно, зато вздымается над забором огромная гора поленьев, и на нее летят все новые и новые. Это Витька Бескровный готовит товар к зиме на продажу, а для колки нанимает алкашей. Я шагаю мимо оград из штакетника, мимо цветущих

палисадников за ними, отмечаю крупные красные георгины, белые астры и еще черт знает какие цветы. Я иду той же дорогой, которой хожу по утрам шестнадцать лет подряд, с того момента как поступил на службу в Водоканал. Наша деревянная улочка за это время почти не изменилась, если не считать того, что некоторые дома — в основном изрядно одряхлевшие — обшили сайдингом и они чудесным образом помолодели. Я свой тоже обшил, предварительно утеплив стены снаружи листами пенопласта. Я иду и смотрю по сторонам, и мне это нисколько не надоедает. Более того: неизменность мне нравится! Когда-то удивляло, как люди могут работать на конвейере, годами повторяя одну и ту же операцию. Теперь бы и я, наверно, смог.

Дежурку мы обычно поджидаем втроем: Сергей Ледовский, Лешка Майер — оба слесари в бригаде аварийно-восстановительных работ — и я. Ребята уже на месте. Подхожу, здороваюсь, говорю:

— У меня сегодня плюс шесть.

— А у меня — плюс четыре! — смеется Лешка. — Ну и градусники теперь — у всякого своя температура!

— Нет, не так, — поправляет Сергей. — Возле каждого дома образуется своя погода: где жарче, где, наоборот, холоднее. Места у нас аномальные.

Мы говорим о том, что, пока земля сухая, неплохо бы выкопать картошку, но ботва еще зеленая, и поэтому рано.

Подкатывает «пазик». В салоне, как всегда, человек десять-пятнадцать. Передние сиденья облюбовали женщины, мы устраиваемся позади.

Сергей рассказывает фрезеровщику Толику Авилову:

— Валерка, брат, вчера за грибами ездил. За станцию Судженка. Жена строго-настрого наказала: груздей не бери, их уже девать некуда, только опята. А как не брать, если они под ногами хрустят? И все один к одному: чистые, крепкие, свежие! Махнул, говорит, рукой и начал резать. Ну и опят набрал, само собой.

Толик, щупленький мужичок с бородавкой на щеке, согласно кивает. В этом году грибов — урожай небывалый. Всяких. Белых высыпало столько, что из Томской области за ними наезжают. Наши, у кого есть транспорт, тоже не промах. Димка Уфимцев в прошлые выходные набрал шесть ведер. Если я и досаую, что у меня нет машины, то исключительно в такие вот моменты.

— Только дурак нынче останется без грибов, — заявляет Толик и спрашивает у меня: — Мефодыч, а ты в выходные на рыбалку надумал?

— Вроде бы, — пожимаю плечами. — Договаривались на воскресенье. Но как получится.

— С Потапычем и Веремеевым?

— С кем же еще?

У нас компания удильщиков: два пенсионера и я, молодой. Потапыч — тот не работает, дома сидит, а Веремеев по-прежнему водитель в дежурной бригаде. Смены у него часто выпадают на субботу и воскресенье, и тогда, к моему великому огорчению, рыбалка срывается. Или они с Потапычем едут вдвоем среди недели.

У Веремеева — «нива», а мы с Потапычем скидываемся на бензин. Выезжаем то на Яю, то за карасями на пруд, что рядом с поселком Новостройка. Не признаем никаких сетей, рыбачим на простые поплавоквые удочки. Рыбку после поклевки приятно подсечь, выдернуть, трепещущую, из воды, подержать в руках. В этом сладость нашей рыбалки. Улов, даже если очень повезет, не превышает трех-пяти килограммов.

Дежурка, забрав по пути еще нескольких ожидающих, вкатывается на территорию базы.

Мой кабинет в конторе на первом этаже. Табличка на двери гласит: «Заместитель генерального директора по ОТ и ПБ ООО «Строймонтаж» Плотников Николай Семенович. Экспедитор ОМТС ООО «Горячее водоснабжение» Травников Илья Константинович. Инженер по ОТ и ПБ ООО «Асинский водоканал» Набатников Борис Мефодьевич».

Я в этом списке — последний. И фактически занимаю кабинет один. Двое других здесь редкие гости. В моем ведении охрана труда и пожарная безопасность. Наша многоликая фирма слеплена из нескольких крошечных организаций, а верхнее руководство у них — общее. Это долго объяснять, да и неинтересно. Сейчас важнее то, что мы с Артемом Козубом, главным энергетиком, должны попасть на очистные сооружения. И чем раньше, тем лучше. А сооружения находятся за городом. И с транспортом у нас беда: «жигуленок» и «уазик» всем конторским нужны позарез, и одну, и вторую машину рвут друг у друга прямо с утра.

Пока я размышляю, как мы будем добираться, звонит Артем:

— Мефодьич, прокатимся на моей, я минут через десять буду.

Это лучший вариант! Я еще успею чашку кофе выпить. Набираю на втором этаже воду в кофейник, возвращаюсь, втыкаю вилку в розетку. Пока он, нагреваясь, свистит и шумит, подхожу к зеркалу. Зеркало висит на стене, слева у входа, и отражает все, что перед ним, честно и без прикрас: седина на висках и плешь до самой макушки. А еще глаза за очками — потухшие и усталые. Не красавец. Ну да что есть, то и есть.

Включаю компьютер. Открываю погоду. Прогнозы не обещают осадков до понедельника. В воскресенье легкая облачность. Неплохо. А то сидеть с удочкой под дождем или солнцем палящим — удовольствия мало.

Кофейник забулькал, отключился. Достая из книжного шкафа банку кофе. На этикетке — ложка, вилка и нож. Сверху надпись: «Собери набор модных столовых приборов». Никогда раньше не брал и вот в первый раз купил такой кофе. Внутри, зарытая в гранулах, оказалась вилка. Зачем мне она здесь — ума не приложу. На всякий случай пусть лежит. К кофе два кусочка сахара. Я люблю пить вприкуску.

А вот и Артем.

— Не торопись, Мефодьич, успеем.

Предлагаю кофе. Он уходит в свой кабинет за кружкой. Возвращается. Наливает кипятка, размешивает ложечкой светло-коричневые крупинки и садится за второй, пустующий стол.

— После обеда мне нужно попасть на водозабор. Повезу человека из Энергосбыта.

— Зачем?

— С проверкой, — говорит он. — Не сидится им в кабинетах.

Я киваю. По-любому на очистных до одиннадцати управимся.

Через десять минут мы уже катим в его «опеле». Ход мягкий, работающего двигателя почти не слышно. Машину он приобрел недавно, в хорошем состоянии.

— Восемь лет ей, — охотно объясняет Артем. — И еще «ниву» купили, девяносто шестого года. Но «нива» в основном для отца. Он все жалуется, что ему плохо без машины.

— Откуда ж деньги?

— Я квартиру старую продал. Ту, которая на «Искре». Можно сказать, по дешевке — за миллион и пятьдесят тысяч. Хотели ипотеку частично погасить, потом с женой подумали: нет, машина нужнее. И отца — как обидеть? После всех этих покупок осталось тысяч сто, но и они разошлись. В «ниву» тысяч двадцать вложил. Отдавал на диагностику, сказали, мотор в порядке. А с остальным сам понемногу управлюсь.

Артем — сын моего одноклассника. Жена у Артема — Анжелка. А в электриках числится еще один Артем. Немыслимые имена в те годы, когда я подрастал. В нашем классе половина пацанов были Александрями и Сережами — характерная примета пятидесятых. Так что, когда мои одноклассники после школы обзавелись женами и стали появляться ребятишки, — косяком пошли Александровичи и Сергеевичи. Или, соответственно, Александровны и Сергеевны. Зато уж мое поколение имена своим чадам давало с фантазией. Среди тридцатилетних, поступающих на работу, я проводил инструктаж для одного Ксаверия, двух Ермолаев и трех Кристин. Не считая Денисов, Ксений, Анастасий и прочих.

Так вот — об Артеме. Он уже лет десять работает у нас на предприятии. Толковый парень. Недавно они с женой приобрели четырехкомнатную квартиру. А сейчас мы с ним — комиссия. Я буду принимать экзамены по охране труда, Артем — по электробезопасности.

Проехав по окраинным улочкам, а затем мимо угольной обогатительной фабрики и лесопосадок, мы выбираемся к огромному городскому кладбищу и катим по асфальту сквозь него. Я с неудовольствием вспоминаю, что почти все лето не был на могилах родителей. А на следующей неделе печальная дата: тридцать четыре года, как не стало отца. Травы там, конечно,росло по пояс.

Наши канализационные очистные сооружения — за городом. Место хорошее, лес вокруг. Я немного завидую тем, кто здесь работает. Вдали от городской спешки жизнь течет размеренно. А запах нечистот... Ко всему можно притерпеться.

Сторож открывает ворота. Мы, минуя группу рабочих человек в девять, подруливаем к одноэтажному корпусу.

Нас уже ждут. Энергомеханик Семен Безуглов здесь пока самый главный. Он сухой, смуглый, черноглазый, очень подвижный — похож на цыгана. И я подозреваю, что цыгане в его роду действительно были. Лысина не меньше моей. Ему чуть-чуть за пятьдесят. А начальник очистных Валентина в декретном отпуске.

— Артем Александрович, наконец-то! Заждались гостей! — мечется вокруг нас Семен.

Через минуту ведет в свой кабинет:

— Вот тут и расположимся.

Пока я достаю из папки бумагу и ручку, снимаю пиджак, а Артем придвигает стулья к столу, Безуглов успеваает выбежать из кабинета и вернуться обратно. Замерев на пороге, осторожно интересуется:

— Ну что, как поступим? Отпустим людей?

— Отпускай.

Экзамены мы с Артемом принимаем один раз в год, на очистных сооружениях и на водозаборе. На водозабор отправимся недельки через две. А здесь, если по списку, опросить надо около сорока человек — и дневную, и ночную смены. На самом же деле ночная смена давно топчется у проходной: поджидает дежурку, на которой подъедет дневная. И дневная тоже пройдет мимо этого кабинета по своим рабочим местам.

Наши экзамены — липа, фикция.

Однако двух овечек на заклатие нам все-таки приготовили. Это мастера смены. Им, как руководящему персоналу, экзамены полагается сдавать один раз в три года. Сейчас подошел очередной срок. Мастера, или, точнее сказать, мастерицы, каждая из которых отработала здесь свыше двух десятков лет, уселись напротив, смиренно и покорно ожидают своей участи.

— Готовились? — спрашиваю.

— Читали, — заверяют одна и другая, но неуверенно.

Начинает Артем. Его коронный вопрос: для чего служит заземление?

— Допустим, вам надо проверить работу насосной станции. Вы пришли и случайно прикоснулись к корпусу насоса. Если не будет заземления — ударит током или не ударит?

Путаясь, отвечают обе сразу. Кое-как с заземлением разобрались. Второй вопрос — про диэлектрические перчатки, резиновые коврики и прочие средства защиты. Помучив минут пятнадцать электробезопасностью, Артем передает обеих пострадалиц в мои лапы.

Мой конек — оказание первой помощи при поражении электрическим током.

— Представим ситуацию, — обращаюсь к Людмиле Ивановне, пухленькой блондинке лет сорока пяти, — ветром порвало провод, и он упал на человека. Кроме вас, поблизости никого нет. Ваши действия?

— Провод надо отбросить, — уверенно говорит она.

— А как?

— Взять сухую палку и подойти к пострадавшему.

— Каким образом?

— Гусиным шагом, не отрывая ног от земли.

— Почему именно так?

— Чтобы током не ударило.

— Дальше.

— Палкой отбрасываем провод с человека. Затем берем пострадавшего за край одежды или за ворот и оттаскиваем на восемь — десять метров от лежащего провода.

Она внимательно следит за моим лицом, пытаюсь по реакции догадаться, правильно ли отвечает.

— Дальше что?

— Приступаем к оказанию первой помощи. Для начала определяем, есть пульс или нет...

— Где будете определять?

— На руке? — полувопросительно говорит она.

— На запястье или на сонной артерии, — подсказывает Галина Евгеньевна, вторая экзаменуемая.

— На запястье — нежелательно. По какой причине?

Обе молчат.

— На запястье пульс трудней обнаружить. Руки у многих, особенно у женщин, бывают полными. А сонная артерия на шее прощупывается хорошо. Итак, вы убедились, что пульс есть, пострадавший жив, но без сознания. Потом что?

— Надо перевернуть его на живот.

— Зачем?

— Чтобы не захлебнулся рвотными массами и чтобы не запал язык...

Так, понемножку, мы подбираемся к цели в каждом вопросе. Закончив с Людмилой Ивановной, берусь за Галину Евгеньевну. Та, не переставая терзать концы накинутого на плечи платка, с запинками отвечает. Попытав и ее, отпускаю обеих, и они облегченно выпархивают из кабинета.

А мы с Артемом придвигаем протокол с фамилиями работников и удостоверения — их тридцать девять. Все это надо заполнить.

— Мастерам — по четверке, остальным, кого сегодня не было, тройки! — категорично объявляет Артем.

Я согласен. Начинается муторная писанина. Управляемся только к десяти. Два протокола надо перенести в компьютер и распечатать. Но это будет уже в конторе.

Семен постоянно возле нас.

— А теперь пройдемте перекусить, — приглашает он.

Это традиция. Сколько существует — не знаю, но возникла еще до моего прихода.

Семен ведет нас в соседний кабинет. Стол уже накрыт. Горячие пельмени, салат из помидоров и огурцов, сыр, колбаса, бутерброды со шпротами и — запотевшая бутылка водки. За хозяек — наши недавние студентки. Семен берется разливать. Сам он не пьет вообще, даже пива. Артему нельзя: за рулем. Остаюсь я и студентки. Им можно, они не на смене, после застолья отправятся домой. Мне тоже можно, если не увлечься.

Выпиваем по первой. Завязывается разговор о только что прошедших экзаменах. Женщины улыбаются — все позади.

Я вспоминаю, что раньше, когда организация была сильной, экзамены проводились по всем правилам, работники отвечали по билетам и

многие страшно волновались. На водозаборе одна берет билет, а сама ни жива ни мертва. Читает вопрос: «Половой удар». Мы: «Какой-какой?!» — «Половой...» Оказалось — тепловой. От страха буквы в глазах поплыли.

Сидящие за столом вежливо и чуть принужденно смеются. И тут до меня доходит, что про этот случай я рассказывал в прошлом году. А может, и раньше еще, и не один раз. Вот же какая неловкость, и все из-за памяти!

Заговорили о грибах — кто уже заготовил, а кто только собирается.

— Я три трехлитровых банки груздей намариновала, — певуче про-износит Людмила Ивановна.

— А как их маринуют, — безучастный Артем неожиданно проявляет интерес, — чтобы хранились долго?

— Ты никак за грибами собрался? — спрашивает Семен.

— Завтра хочу съездить.

— Нет ничего проще. — Людмила Ивановна вытирает руки о салфетку. — Берете грузди, промываете, как обычно. Несколько часов держите в воде, а потом варите двадцать минут. После того как поварили, воду надо слить и залить свежую. Добавляете гвоздику и соль, доводите до кипения и варите те же двадцать минут. Потом раскладываете по банкам, а сверху — рассол, в котором варили. И не забудьте про уксус, а то испортятся. Закрываете крышками. Готово!

Артем слушает внимательно, изредка кивает головой.

— Зачем куда-то ехать? У нас опята — в двух шагах отсюда! — усмехается Семен. — Вышел за территорию — и режь сколько угодно.

С застольем пора заканчивать. Время к одиннадцати, но торопиться в контору резона нет. До обеденного перерыва всего лишь час: ни туда ни сюда.

И тут меня осеняет.

— А покажи-ка ты нам грибные места, — обращаюсь к Семену. — Где здесь опята?

— Зачем?

— Да вот, хочу убедиться, что их сколько угодно.

— Это запросто!

Артем удивлен, однако не спорит. Мы благодарим хозяек и поднимаемся из-за стола. Семен убегает в свой кабинет — переодеться. Через пять минут появляется. На нем куртка, пятнистые штаны и сапоги. Он протягивает нам целлофановые пакеты и ножи.

От водки настроение приподнятое. Выходим из конторы и направляемся в дальний конец очистных, к последнему отстойнику. А солнце-то припекает все сильнее. Сразу за отстойником, спускаясь к логу, начинается лес. Не сплошной. Сверху видны полянки, на той стороне лога лысый косогор. Смешно сказать: я лет десять не собирал грибов. Да каких там десять — больше! В последний раз это были тоже опята. Со знакомыми ездил. А почему не собираю? Один не рискую, в лесу из меня ориентировщик аховый, а с кем-нибудь не получается. Мои компаньоны по рыбалке никакие не грибники. Нет у них вот этого азарта: шастать по лесу с

корзинами. Я не большой гурман по этой части, но иногда, хоть и редко, накатит желание: поесть бы жареных грибов!

За очистными едва угадываемая в траве тропинка ведет вниз. Семен шагает быстро, я еле поспеваю. Артем отстал, моя затея, как видно, его не вдохновляет. Метров через двести наш провожатый останавливается, крутит головой и говорит:

— Вот отсюда начнем искать.

Все трое разбредаемся, не теряя друг друга из виду. Тут же, как по заказу, появляются комарики. Немного. Однако постоянное сопровождение теперь обеспечено. Я почти сразу нахожу пару груздей, срезаю. Но один и второй гнилые, и ножки изъедены червями. Места хоженые. По примятой траве заметно, что грибники здесь побывали, и не раз. Я оглядываюсь. Справа непролазные кусты. То здесь, то там поваленные деревья. Вот откуда в лесу столько поваленных деревьев? Нет бы старые толстые стволы, но ведь и тонких, молодых немало! Ощутимо пахнет прелью. Грибы есть, но плохие: источенные червями волнушки, таких же груздей штук семь... Наконец срезаю подосиновик с чистой и крепкой ножкой. А те, за какими пришли, почему-то не попадают.

— Я прошлым летом сюда часто заглядывал, целый мешок опять на-таскал. Думал, и сейчас их полно! — кричит, оправдываясь, Семен.

— Так ты еще здесь не был?

— В этом году — нет, все как-то не получается. Давайте перейдем в другое место.

Мы забираем влево, пересекаем поляну и опять углубляемся в лесок.

— Куда они делись? — озадачен наш провожатый. — Всегда ж тут росли!

Недоуменно пожав плечами, он ломится через кустарник, трещат ветки. Я начинаю подозревать, что мы вообще вряд ли что-нибудь сегодня отыщем, но убаюкиваю себя тем, что «вот и лесным воздухом подышал». И тут прямо перед собой вижу небольшой трухлявый пенек.

Пень как пень, но там, где в землю уходят мертвые корни, плотным воротником густая поросль молоденьких опят. Мгновенное изумление и следом — радость: есть, есть! Светлые шляпки, одна к одной, вот они где поджидали меня! Наклоняюсь и аккуратно срезаю первую добычу. Пакет наполняется приятной тяжестью. Семен с Артемом рыщут неподалеку. Метрах в двадцати выше — вторая находка. На этот раз выводок меньше и опять не такие молоденькие: юбочки прилипли к ножкам, сами ножки суше и темнее. Цвет шляпок как бы размытый. Но ничего, и такие сгодятся.

— Мефодыч, — кричит Семен, — иди сюда!

Иду на крик. Оба грибника старательно обрабатывают покрытое мхом поваленное дерево. Опята на нем не подряд, а сидят небольшими кучками. Обхожу дерево и вскоре натываюсь еще на один пенек с опятами, а чуть дальше — на другой. Здесь сосны. И когда я срезаю грибы, часть из них, выскользнув из рук, падает на землю. И я поднимаю упавшие вместе с длинными сухими иголками — вся земля вокруг устелена ими.

Мой пакет почти полон.

Время, однако, перевалило за двенадцать, пора возвращаться на базу. Артем великодушно отдает свою добычу Семену.

— Приезжайте еще, — приглашает Семен. — Может, в другой раз больше повезет.

Вновь дорога стелется под колеса. Солнце раздухарилось не на шутку. Я начинаю нервничать: сгорят мои помидоры в закрытой теплице!

— Не переживай, Мефодьич.

— Да припекает-то как!

— Можем завернуть к тебе, — предлагает Артем. — Откроешь теплицу, а заодно и грибы оставишь дома.

Мы так и делаем. Когда распахиваю дверь теплицы, изнутри ударяет таким жаром, что стекла очков моментально запотевают. Но помидоры целы, и это главное.

Возвращаемся в контору. В коридоре на Артема налетает Ксения из производственного отдела, юная и напористая:

— Ты едешь на водозабор?

— Да, к двум.

— А сейчас не едешь?

— Нет, не еду.

— А мы с Анной Григорьевной едем сейчас. Машину дают. Можем взять тебя с собой.

— Не надо меня брать. Валите со своей Анной Григорьевной.

— По шее получишь!

Вот чему бы научиться у нынешних молодых — раскованности, завидной непринужденности. Легко между собой общаются. Я таким тридцать лет назад не был.

Вынимаю из кожаной папки заполненные листки, бегло просматриваю. Сплошные «удовл.». На сегодня у меня особо срочных дел нет. А другие, какие есть, могут подождать до понедельника. Раздумываю, включать компьютер или нет; решаю, что не нужно, и достаю из стола блокнот. На обложке — море и берег. На берег, разбиваясь белыми брызгами, набегают волны. Это мой дневник. Дневничок. В нем я фиксирую все события, что происходят за день. Открываю на тридцать седьмой страничке, ставлю дату и день недели: «28.08.пт». И строчкой ниже записываю: «Принимали с Артемом экзамены на очистных. Потом нас угощали. Потом Безуглов проговорился, что грибы неподалеку есть. И я предложил сходить за грибами! И мы втроем пошли — Безуглов, Артем и я. Сходили удачно: набрал почти полный пакет опять».

Ставлю точку и перечитываю. Вроде все правильно, но как-то не так. Словно протокол заполнил. Сухо и неинтересно. Еще, наверно, что-нибудь добавить надо. Но возможно ли передать на бумаге ощущение покоя и тихой радости, когда я бродил по лесу? Как рассказать о екнувшем сердце, когда я увидел первый пенек с опятами? И всколыхнется ли что-нибудь в памяти, когда, может быть, через пару лет загляну в эту запись?

И тут входит Потапыч. Редкая неделя, чтобы он на базе не появлялся. А то и два-три раза. На работу из-за возраста никуда не берут, а в квартире сидеть измаялся, вот и тянет его сюда.

— Здорово, здорово! — благодушно щурится он. — Ты где пропал? Я уже всю контору успел обойти, и к Авилову заглянул, и в твою дверь два раза стучался. Носит, понимаешь, его!

Я захопываю блокнот.

— Экзамены с Артемом на очистных принимали. По электробезопасности и охране труда.

— У всех приняли? Никого отчислять не будете?

— Никого.

— Что вы за экзаменаторы, если никого не отчисляете? Халтурщики, а не экзаменаторы, вас самих гнать надо!

— Ладно тебе. Ты лучше скажи: на рыбалку едем?

В пруду, на который мы собираемся, клюют хорошие караси — нередко попадаются граммов по сто пятьдесят и двести. Но я хочу выловить щучку на спиннинг. В прошлый раз видел, как один паренек двух штук одну за другой выхватил. Загвоздка лишь в том, что машины нет — ни у меня, ни у Потапыча. Машина есть у Веремеева. С Веремеевым на связи Потапыч. Я разумно полагаю, что два пенсионера скорее договорятся.

— В эти выходные — нет.

Вот это сюрприз!

— Почему?

— Веремеев решил картошку копать.

— Что за спешка? Дождей не обещают, куда торопиться?

— Да ну его! Приспичило ни с того ни с сего.

Мы молчим. Я все еще осмысливаю неприятную новость.

— Чаю хочешь?

— Нет. Пей сам свою вареную воду.

В кабинет врывается начальник водозабора Ксендзов, он всегда норовит бегом. Ему до пенсии тоже недалеко, но до сих пор шустрый: летом педали крутит, зимой на лыжах бегают.

— Подпиши рукавицы!

И протягивает список получателей спецрукавиц на водозаборе в сентябре.

— Ты почему здесь, а не у себя? — говорю, пробежав глазами список. — Артем к тебе инспектора повез.

— Знаю. Без меня управятся. А, старый софист! — обращается он к Потапычу, словно только что заметив его. — Как тебе сегодня наша власть?

— Как и вчера, — мрачнеет Потапыч.

Он Ксендзова терпеть не может, тот постоянно над ним подсмеивается.

— А как было вчера?

— Так и было. Менять надо. Всех.

— Да ну, так уж и менять? А зачем?

— Воруют.

— О! А у нас когда-нибудь не воровали?

— Политиков ярких нет. Все серые.

— Ишь ты, как определил: «серые»! Тяжелый воз кто тащит? Серый коняга и тащит! А попробуй запряги павлина. Не серого. Он далеко увезет? Вспомни девяностые.

— Менять надо и судить. И шлепнуть десяток, — угромо гнет свое Потапыч. — Заворовались!

— А где других найдешь? Я этих других иногда в интернете наблюдаю: павлины — они и есть павлины. Нет, пусть все остается как есть, лишь бы хуже не стало.

— Вот-вот, обязательно станет!

— Если уж на то пошло, я бы тебя в президенты выбрал. Согласился бы?

— Запросто! Я знаю, что делать надо!

— Так чего тянешь? Давай!

Ксендзов убегает.

Кого из моих знакомых ни возьми — все готовы хоть сейчас управлять страной и у каждого список, кого посадить и расстрелять...

Поскольку сегодня пятница, то укороченный рабочий день — до четырех. Дежурка доставляет меня туда, откуда я отправлялся утром, — к горбольнице. Захожу в магазинчик и покупаю банку майонеза. Затем десять минут по родной Кирпичной, и я дома.

В почтовом ящике письмо из пенсионного фонда на мое имя. Вот те на! На кухне вскрываю конверт.

«Уважаемый Борис Мефодьевич! Управление Пенсионного фонда уведомляет, что в целях предварительной подготовки документов перед установлением пенсии Вы имеете право обратиться для проверки трудовой книжки и других документов, подтверждающих трудовой стаж и заработок. Для этого необходимо представить подлинники и копии: а) паспорта; б) страхового свидетельства; в) военного билета; г) трудовой книжки; д) документа об окончании учебного заведения. Заместитель начальника Управления Н. А. Арлакова».

Смотри-ка, как они за этим следят! Не забыли про меня.

Недавно, в конторе, захожу в кабинетик «киповца»¹ Володи — там у него приборы, которые отремонтировать надо, и разный другой хлам. А Володя сидит сосредоточенный, даже паяльник дымящийся в сторону отложил. Чем, спрашиваю, занят? Да вот, говорит, отсчитываю время до пенсии. Осталось девять лет двести сорок три дня одиннадцать часов и восемнадцать минут... А тут считай не считай — она, родимая, сама подкатывает. Через пять месяцев всего. Даже не верится. Ладно, документы собрать нетрудно. Матушка незадолго перед смертью говорила: столько прожила, а все как один день, даже не заметила. И я, сорокалетний несмышлениш, про себя удивлялся: как это можно было не заметить восемьдесят прожитых лет? А теперь могу и себя спросить: заметил ли, как пролетели мои шестьдесят? Ведь как будто еще вчера студентом был...

¹ КИПиА — отдел контрольно-измерительных приборов и автоматики.

Пора приступать к тренировкам по приему поздравлений. Хотя вряд ли их будет много.

В холодильнике обнаруживаю жаровню с пловом, наполняю пластиковый контейнер и отправляю в микроволновку. Горячий плов обильно поливаю кетчупом. В одном из деревянных ящичков, где, накрытые платком, дозревают помидоры, выбираю четыре красных. Нарезаю хлеб, достаю солонку, завариваю зеленый чай.

Приготовленный ужин переносу на журнальный столик, в комнату. Что там по телевизору? Начинаются новости, и, как обычно, — с Украины. Там все как прежде: боевые действия, обстрелы Донецка.

Поев, споласкиваю посуду и принимаюсь за обработку грибов.

В эмалированный таз набираю холодной воды и ставлю все на тот же столик. Приношу пакет с опятами и чашку для мусора. На экране — «Давай поженимся». Когда-то я эту передачу терпеть не мог, сразу переключался на другой канал: слишком много было желающих покрасоваться на всю страну, типов неприятных хватало. Но теперь думаю, я был неправ. Разве плохо, если два одиноких человека создадут семью, а молодые еще и детей родят? А кривляются — так это от неуверенности в себе, за пижонством виден мандраж... Что на этот раз? Нет, семья вряд ли получится. Какие-то они вовсе неподходящие для этого дела — и невесты, и женихи... Все равно досмотрю, кого этот жених выберет.

С сумкой продуктов возвращается жена.

— Грибы? Откуда? — с удивлением смотрит она.

— Купил около магазина.

— Дорогие?

— Семьсот рублей.

— Рехнулся?

— А что — можем себе позволить.

— Тебе деньги, я вижу, девать некуда.

Она переодевается в домашнее, не переставая ворчать. Опята ее не радуют. Пытаюсь отвлечь:

— Что так поздно?

— Собрание с родителями проводили, пришлось задержаться.

Я перед работой забыла тебе сказать.

— И не только это забыла.

— Ты про мобильник? Ну да, торопилась утром. А после собрания в «Магнит» зашла. Сырков купила, котлеты, творог, сметану, майонез...

— Я тоже майонез взял.

— Зачем?

— Я ж не знал, что ты в «Магнит» заходить будешь.

— Сейчас поужинаю и помогу с грибами. Такие деньги потратил!

Вдвоем дело идет быстрее.

— Что-то в них сора много, — подозрительно говорит Варя. — Иголки какие-то... На рынке чистые продают. Откуда грибы?

— Сам нарвал.

Не верит. Приходится обстоятельно рассказывать.

— Добытчик! — наконец-то смягчается жена. — Сейчас переберем, отварим, а потом я суп с грибами сделаю.

— Нет уж, лучше пожарить. — У меня к жареным опятам особое отношение. А почему особое — я ей рассказывал.

— Чем тебе суп не нравится?

— Нравится. Все равно пожарь!

Вроде и пакет невелик, а возмись полтора часа. Варя заполняет грибами большую кастрюлю, доликает воды и ставит на конфорку. Я иду в огород закрывать теплицу: ночами уже прохладно.

В десятом часу укладываюсь спать. Варя сидит за компьютером: планы на неделю вперед составляет. Для двухлеток! Воспитателей в детском саду замордовали планами и отчетами.

Я уже начинаю дремать, когда она спрашивает из другой комнаты:

— Тошка не появлялась?

— Нет, сегодня не видел.

— Куда пропала?..

Просыпаюсь, гляжу на часы: нет еще и пяти. Несколько минут нежусь в тепле под одеялом.

Все, пора вставать. Выполняю каждодневный утренний обряд: сильно растираю и мну ладонями виски, затем грудь в области сердца. После чего четырежды повторяю про себя: «С Богом!» — и скидываю ноги с дивана. Я с возрастом все строже слежу за разными приметами и следую небольшим, придуманным для себя ритуалам. Что это — старость? Наверно. У старости много обличий. А ведь еще несколько лет назад сильно удивился, когда на автобусной остановке ко мне обратился вихрастый паренек под хмельком: «Дед, закурить не найдется?» В первый раз называли дедом. Запомнилось. И когда мужчиной в первый раз называли, тоже помню: во Владивостоке. На первом курсе. Стою в гастрономе, в очереди. За мной занимает женщина с хозяйственной сумкой. Подходит еще кто-то, спрашивает: «Кто последний?» Женщина говорит: «Я». — «А вы за кем?» — «Да вот — за мужчиной». Я даже головой завертел: о ком это она?..

Остывшие за ночь грибы вылавливаю из кастрюли, прячу в пакет и убираю в морозилку. Затем поджариваю глазунью на сковородке. Четыре яйца — вполне достаточно. Готовое блюдо обильно поливаю кетчупом.

Завтракаю не торопясь. Жена в выходные любит поспать. Встанет в девятом часу, не раньше. День у меня сегодня ненапряженный. За картошку братья еще рановато: ботва зеленая, только-только возле ограды сохнуть принялась.

Как и предполагал, жена просыпается в половине девятого и сразу спешит привести себя в порядок: Полинка по скайпу вот-вот должна позвонить.

Я в это время сижу за компьютером. Посмотрел почту — нет ничего. Посмотрел экономические новости. Официальный курс евро на выходные — 75,40, доллара — 67,69 рублей. Это выше, чем вчера. Доллар растет — значит, цена на нефть опять рухнула. Мне стыдно, что огромная

страна, которая обязана быть богата не только ресурсами, до такой степени зависит от нефти и газа. Стыдно еще и потому, что других вариантов в обозримые годы не предвидится. Глянул на результат вчерашнего матча: «Урал» с «Тереком» натолкали друг другу по три мяча и разошлись с миром.

— Тошка не приходила?

— Нет.

— Я начинаю беспокоиться.

— Придет, никуда не денется.

— Ночью проснулась — какой-то шелест под потолком. Думала, мотылек. Свет включила, а это жучки. Те, что попали в пакет с грибами, разлетелись по дому.

А вот и характерный сигнал — Полинка звонит. Супруга бежит к компьютеру. Уступаю место.

Варина дочка Полинка живет в Сан-Франциско. Уехала туда всего лишь на год воспитателем детей в американской семье — была такая программа. И вот уже девять лет прошло. В Америке окончила курсы медсестер-стоматологов, работает в частной клинике. Вышла замуж за выходца из Гватемалы. Родила мальчишку. Шустрый пацан, ему сейчас три года. На Полинку абсолютно не похож: темненький, с черными блестящими глазами — папина рожица. Рядом с беляночкой Полинкой выглядит очень забавно, и ничего общего. Я даже сомневаюсь, что во время зачатия Полинка была рядом. После рождения младенца мы с бабкой записали его имя на бумажку и первое время часто в нее заглядывали: Алексей Себастьян Карэра Полтавченко. Такой вот винегрет. Отец и свекровь называют его Себастьяном, а мы с Варей — Алешкой. И если в этот винегрет добавить еще отчество Эрвинович — совсем рехнуться можно! Любим мы его безмерно, наше русско-английско-испаноговорящее чудо! Бабка при виде внука тает настолько, что однажды стечет с кресла. Я думал, это только с ней такое. Но как-то после связи с Америкой, забыв поменять выражение на лице, подошел к зеркалу и оказался ничуть не лучше.

Появилось изображение. Алешка на полу в окружении игрушек машет нам рукой:

— Дедочка, смотри! Бабочка, смотри! Масына! — и указывает на яркий пластиковый самосвал. Явно новый, такого мы еще не видели.

Ребенок повернут на машинах. Книжки — про машины, игрушки — только машины. Все, что не машины, ему неинтересно. Я иногда, смеясь, говорю, что он не родился, а вырuling из материнского чрева.

Закадровый голос Полилки:

— Мама, здравствуй! Дядя Боря, здравствуйте. Как у вас дела?

— Все хорошо, — частит бабка, не отрывая глаз от Алешки. — Дядя Боря вчера грибов нарвал, опят. Ездил по работе за город — экзамены принимал, а потом в лесу нарвал грибов.

— Ничего себе! — вежливо удивляется Полинка.

И я понимаю, что это ей нисколько не интересно. Даже если бы я нарвал не грибов, а скажем, пучок малолетних детишек — реакция была бы той же самой. А бабка не замечает, бабка с упоением разглядывает внука.

— Я сейчас уборкой займусь, а завтра банки с помидорами начну закатывать, — докладывает она. — У зимы рот большой.

— А что с грибами делать будете?

— Пока ничего. Потом, может быть, грибной суп сварю.

— Лучше пожарить, — поправляю я.

— Суп! — твердо говорит жена.

— А мы завтра собираемся съездить на море, уломала я Эрвина.

Повалеемся на пляже. И Алешку берем.

Наша американка отстает от нас — по времени — на четырнадцать часов. У них еще вечер вчерашнего дня.

— А не холодно возле моря? — тревожится бабка. — Смотрите, ребенка можете застудить!

— Мам, ну что ты как маленькая.

— Все едете?

— Нет, только мы с Эрвином и Алешкой. Дилия (свекровь) завтра работает, а Антонио (младший брат Эрвина) с женой идут в гости.

— И в воду полезете?

— Конечно.

— Будьте внимательней, далеко не заплывайте!

— Мам, ты опять?

Алешка, завывая, возит самосвал по полу.

— Алешенька, Алешенька! — надрывается бабка. — Прочитай нам стишок!

— Ж-ж-ж! — гудит Алешенька, ползая на коленках.

— Алешенька, расскажи: «Уронили мишку на пол...» Ну расскажи!

— Ж-ж-ж!

— Дед послушать хочет. Расскажи деду!

— Би-би-и...

— Ладно, привет Эрвину. — Я поднимаюсь.

— Передам.

Я выхожу из комнаты, и Варя тут же приглушает звук — начинается то, что я называю «девичьими секретами».

Пока мать с дочкой шушукуются, я устраиваюсь в маленькой спальне, включаю телевизор и, отыскав канал «Охота и рыбалка», смотрю, как двое братьев, сидя в лодочке, выуживают из-под обрывистого берега щучек и попутно объясняют, как они это делают. Я разглядываю разноцветные виброхвосты и думаю о том, что надо бы купить парочку таких же. В телевизоре сгущается вечер, вода в речке темнеет. Братья говорят друг другу, что на сегодня хватит, и прощаются со зрителями. Потом весь экран занимает толстый бородатый мужик с ружьем и предлагает отправиться на охоту. Следом камера показывает заснеженный лес, в котором водятся разные зверушки.

Однако до охоты дело не доходит, потому что в спальне появляется жена.

У Вари есть удивительная особенность: все свои эмоции она просто-душно выкладывает на лице. Беглого взгляда достаточно, чтобы понять, что женушка потрясена.

— Что случилось? — задаю естественный вопрос.

— Ты даже не представляешь, что она сотворила!

— Ну?

— Решила стать суррогатной матерью. Она носит чужого ребенка.

— Что за ерунда? — вырывается у меня.

— В марте ей рожать.

— Погоди, как это — рожать?

— А вот так! У них, говорит, это в порядке вещей. Пожилая пара решила завести ребенка. Моя дуреха за все получит тридцать тысяч долларов и плюс медицинское обслуживание на время беременности за их счет. Она хочет потратить деньги на учебу и с кредитом расплатиться.

— Что за пара?

— Он — профессор, преподает в Сингапуре. Жене вынашивать возраст не позволяет...

— И решили воспользоваться Полинкиным пузом? Хотя почему и нет — все равно не занято...

— Перестань издеваться! Будь она твоя дочь, тебе было бы не до смеха. Я ей сказала: дура, что ты творишь! Горько потом пожалеешь, делай аборт, пока не поздно. Нет, я ей еще мозги вправлю!

— А этот, муженек-то ее, он что?

— Согласился.

— Ну да, ну да: ни рыба ни мясо. Слушай, может, Полинке его тоже как-нибудь приспособить? Сдать, например, на органы? Дополнительная живая копейка в доме. Толку от него все равно нет.

— Смотри, не проговорись никому об этом!

— Что так?

— Стыдно.

Весь день Варя как потерянная — моет пол и роняет ведро, натывается на стулья, отвечает невпопад. Начинает чистить картошку и выговаривает мне, что ножи тупые. Точу ножи, укрываюсь в спальне и снова включаю телевизор.

На одном из каналов — свежие новости. В арабской стране люди в черном, вооруженные автоматами, гонят на расстрел группу мужчин. Те, кого собираются казнить, вовсе не походят на узников, которые много дней провели в застенках. На всех легкомысленные шорты или светлые брюки, а также летние рубашки, цветастые майки и — шлепанцы. Эти шлепанцы никак не вяжутся с тем страшным, что должно произойти. Я догадываюсь, что еще за пару-тройку часов до съемки несчастные находились у себя дома — занимались повседневными делами, а то и просто попивали кофе под тенистым тентом прямо во дворе. И тут явились эти черные и забрали их. Понятно, что за теми, кому предстоит умереть, нет никакой вины. Я смотрю на них — всех заставляют лечь на землю в ряд, и сознание не хочет мириться с тем, что человека можно убить *просто так*, словно курицу, которая необходима для супа. Сцену расстрела, щадя зрителей, не показывают.

Ближе к вечеру Варя затевает стряпать оладьи и отправляет меня в магазин:

— Возьми сметаны. И кефира купи.

С заднего крыльца магазина продавщица Катя принимает товар: печенье и конфеты. Пока она там покрикивает на водителя, который ставит коробки не туда, куда нужно, образовалась небольшая очередь из четырех человек. Я последний в этой очереди, за спиной плечистого парня с короткой стрижкой и нежной розовой шеей. В ушах у парня темными красными капельками поблескивают сережки.

— Куда ты ящик приткнул? Зефир вот сюда, на эту полку! — доносится властный Катин голос.

Я разглядываю того, кто впереди меня. Накачаные руки, крепкая шея и — сережки. Пазл не складывается, одно другому не соответствует...

Поедаем с кефиром горячие пышные оладьи, но без всякого аппетита. Варя вздыхает и хмурится.

Ночью я просыпаюсь. Жена рядом плачет тихо и обиженно, как ребенок. Тело ее мелко вздрагивает.

— Ты чего? — спрашиваю.

Варя молчит.

— Не заболела?

— Как она могла! Как она могла... Зачем я отпустила ее в эту Америку!

— Заткнись, — говорю ей.

Она замирает. Даже как будто дышать перестает. Я редко говорю ей грубости.

— Заткнись, — повторяю зло. — И не лезь к ним.

И, помолчав, добавляю:

— Что мы с тобой, два старых огрызка, можем понять в нынешней жизни...

Мы с Варей — осколки разбитых семей. У нее первый брак распался, у меня — даже два. У нее дочь в Америке, у меня сын во Владивостоке. И в том, что наши дети теперь далеко от нас, винить остается только себя. Что-то мы в детях своих упустили. Я не думал, что так случится, и с молодых лет был настроен от начала и до конца прожить с одной женщиной, чтобы дети знали не «дядю», не «тетю», а кровных родителей. Но как получилось, так уж получилось. Ждать теперь нечего, и надеяться не на кого, и держаться нам остается только друг за друга.

В воскресенье я собираюсь в банк, надо снять немного денег. Варя моет помидоры и выжаривает банки — литровые и пол-литровые. Мне велено попутно купить сливочного масла.

— Возьми мобильник, если что-нибудь еще вспомню — позвоню.

В маленьком вестибюле Сбербанка из двух банкоматов один не работает. Ко второму очередь из десяти человек. У экрана мнется дедок. Он, вероятней всего, только начинает пользоваться пластиковой карточкой, поэтому волнуется, при наборе путает цифры и, как всякий неуверенный в себе человек, ругает бестолковую технику. Очередь терпеливо ждет. Наконец деньги получены, многие облегченно вздыхают, и тут дедок достает еще одну пластиковую карточку...

Из банка я выхожу взмыленный: вентиляции в вестибюле нет и духота такая, что рубашка прилипла к мокрой спине. Но прежде чем отправиться на оптовку, заглядываю в рыбацкий магазин, приобретаю пару виброхвостов и четыре маленьких карабина — впрок.

Оптовка — это много мелких павильончиков под одной крышей. В двух я затариваюсь: триста грамм сливочного масла, килограмм яблок.

На выходе из оптовки останавливает звонок мобильника:

— Купи желатина три пачки для консервирования и перца — горошком.

Возвращаюсь в один из павильонов.

— Перец только душистый, — предупреждает крупная продавщица в фирменном халате. За прилавком тесно, и она трется об него животом.

У меня появляются сомнения.

— А он для консервирования годится?

— Конечно! Почему бы он не годился?

Дома весь стол на кухне заставлен банками с разрезанными помидорами. В кастрюле на конфорке булькает то, чем их начнут заливать.

— Про желатин не забыл?

— Нет.

— Перец взял?

— И о перце не забыл.

Переодеваюсь и иду в огород. Из двух леек начинаю поливать помидоры в теплице. Купленный в начале июня чудо-шланг, который при заполнении водой должен удлиняться, уже через месяц дал течь сразу в нескольких местах. Так что приходится, как и раньше, браться за лейки. Главное — есть из-за чего: вон сколько плодов на кустах краснеет! Бегаю до крана, что выведен из подполья на улицу, наполняю лейки — и обратно. Работа не в тягость. В августе и сентябре мы обедаем свежими помидорами. Тот, кто выращивал их сам, знает: свои помидоры не идут ни в какое сравнение с магазинными. Свои — мясистые, без всякой химии, надкусишь — так и тают во рту.

А тут Варя недавно обмолвилась, что одна нянечка в детском саду рассказала ей, как делать из помидоров томатный сок. Надо попробовать.

— Боря, — зовет Варя, выглянув в огород. — Боря!

И лицо, и голос у нее при этом... Я понимаю: произошло что-то нехорошее.

— Боря, иди сюда... Тошка умерла.

Вот тебе раз!

Бросаю лейки и бегу во двор. В закутке между баней и стайкой, возле угольного ящика, раскинув передние лапы, словно пытаюсь уцепиться за доски настила, лежит рыжая Тошка.

— Я случайно сюда заглянула и нашла.

Мы, подавленные, стоим над ней.

— В чем причина? — пытаюсь понять я. — Вроде и не болела.

— Не знаю. Я еще три дня назад заметила: она какая-то вялая.

А потом — исчезла.

— Говорят, кошки предчувствуют смерть. И уходят.

— Ведь не старая еще. Сколько ей, лет шесть?

— Ну да.

Я с лопатой иду на улицу. Здесь, между изгородью и толстой березой, места как раз достаточно. Копаю яму, но корни дерева мешают. Кое-как делаю углубление. Затем возвращаюсь во двор, беру несколько старых газет и заворачиваю в них окоченевшее тельце. Лапы так и остаются раскинутыми. Живот непомерно большой.

Я укладываю Тошку в ямку, присыпаю землей и прихлопываю сверху. А неродившихся котят она похоронила в себе. У каждой жизни свой срок — и у людей, и у животных. Еще раз оглядываю крошечную могилу. Пусть душа нашей любимицы бродит рядом с домом.

Чтобы отвлечься от унылых мыслей, возвращаюсь к помидорам. Я поливаю их раз в неделю, но основательно, помидоры требуют много воды. И я лью ее столько, что почва вокруг корней превращается в грязь. Настроение, однако, совсем не то, с каким я взялся за поливку: смерть Тошки не выходит из головы.

Меня любят коты и кошки. Может, они думают, что я их породы? В те часы, которые я просиживал за компьютером, им нравилось устраниваться у меня на коленях. И Тошке, и Тимке — он был до нее. Котов и кошек у нас в разное время проживало несколько. Одних я помню, других не очень, а иные забылись напрочь. Но удивительно: ни одно из этих существ не доставляло хлопот в последние свои дни. Ни одно! Предчувствуя кончину, они уходили, прятались от людских глаз. Что это — деликатность? Однако есть ли у кошек такое понятие, как деликатность? Я не знаю ответа.

— Иди обедать! — кричит Варя.

Захожу в дом. Готовые банки с помидорами составлены в углу вниз крышками.

Пролетает еще одна неделя.

Веремеев выкопал картошку, и, похоже, в воскресенье я смогу опробовать виброхвосты. В субботу я все приготовил. Однако вечером звонок на мобильник: Потапыч.

— Значит, так: рыбалка на завтра отменяется.

Опять сюрприз!

— Почему?

— Веремееву надо внучку с утра в Кемерово отвезти. Дочь хотела сама забрать, но не сможет.

— А в другой день отвезти нельзя?

— Нет. Приспичило именно в воскресенье!

С досады выпиваю две кружки приготовленной для поездки минералки.

Мы с Варей вспоминаем Тошку.

— Съела что-нибудь, — делюсь догадкой.

— Скорей всего, один из котят в животе умер и началось общее отравление.

— Котенок-убийца, — бормочу я. — Трудно было предположить.

Спать укладываюсь рано. Жена выстукивает недельные планы на компьютере.

В воскресенье Варя собирается к десяти часам на платный урок к преподавательнице английского. Один час — триста рублей. Русская теща хочет напрямую поговорить с зятем. Догадываюсь, что она выскажет ему про суррогатное материнство своей Полинки. Одно плохо: усвоение чужого языка — дело непростое, и не все получится передать словами далекому американцу.

После английского она заглянет к подруге Татьяне — та недавно вернулась из Краснодарского края, в первый раз там побывала. Сын с невесткой и двумя ребятишками в прошлом году перебрались поближе к морю и фруктам, и Татьяна ездила посмотреть, как они устроились.

— Может, и ты со мной?

— Нет уж, общайтесь одни.

Чего я им мешать буду?

Супруга уходит, а я заваливаюсь на диван, устраиваюсь поудобней и раскрываю «Мертвые души». Гоголь для меня — самый дорогой писатель!

Сколько после этой поэмы появилось книг о России — не счесть. Но лучше, чем у Гоголя, ни у кого не сказано. Тысячу раз перечитывал. И не только характеры увлекают, не только огромные просторы, которые явственно ощущаются на страницах великой книги, а еще и дорога — как ее понимает Гоголь. Есть в его рассуждениях о дороге манящая, цепляющая за сердце тоска по тому, что ожидает впереди. В этой тоске — и разочарование, и надежды. Все сразу. Трясется, катит в коляске Чичиков. Грязь, ухабы, жиденькая растительность по обочинам. Глядеть вроде не на что, однако же — глаз бы не отрывал! Знал наш классик толк в дороге!

Вот и я в былые годы собирался в путь легко и быстро. Меня тоже увлекала дорога. И чем на большее расстояние рассчитывал отправиться, тем лучше. А чтобы добавить пространствам изюминки и остроты, нередко менял километры на мили. Только люди, не бывавшие в морях, полагают, что там сплошное однообразие: вода и вода. Вроде как дороги у Гоголя — грязь и ухабы. Наивные люди! Пусть они попробуют доказать это кому-нибудь, кто ходил на промысел на рыболовецких судах, — такой человек лишь рассмеется от подобной глупости! На воду тоже можно смотреть часами. Охотское море, Японское море... И потом, каждое траление всегда загадка: а ну-ка, ну-ка — сколько на этот раз поднимем рыбы? А уж если донным тралом пройти по грунту, тут и вовсе глаза разбежались — из расшворенного кутца² шлепались на палубу камбала, треска, крабы, палтус, креветки... Чего только не было!

Работа в море — самый яркий кусок моей жизни...

А затем возвращение через полстраны в родной город. И несколько непростых лет на стекольном заводе. Он в лихие времена умирал на моих глазах.

² Кутец — рыболовецкая сеть в виде мешка.

И вот уже шестнадцать годков я на Водоканале.

Я пришел сюда с испутившего дух завода. Пришел, когда Водоканал был в самой силе, когда устроиться в его штат было не легче, чем поступить в престижный институт.

Такое чудо среди общего развала имело объяснение: директор, мужичок-кулачок, сам досконально знал производство и сумел подобрать толковых специалистов. В середине девяностых он за долги тех, кто потреблял воду, натащил на базу уйму техники, не вкладывая своих ни копейки. Глядя на машинный парк Водоканала, директора других предприятий чернели от зависти! Работы выполнялось много, зарплату поднимали дважды в год, люди за место держались будь здоров! Взаимодействие между службами было отлажено, как в идеальном механизме. И это при том, что директор — «генерал», как его называли, — не мог грамотно вывести на бумаге двух слов подряд.

Но долгое руководство одним предприятием развращает. Началась путаница между карманами — своим и Водоканала. С каждым годом «генеральские» аппетиты росли. Помощники тоже не терялись. Напрасно он считал себя несменяемым и износоустойчивым. Подкараулив нужный момент, его выкинуло ближнее окружение: они хапали меньше, а хотели больше. А их, нерасчетливых мелких грызунов, тут же подмяли под себя настоящие волки. Когда «генерал» сидел в своем кабинете, эти волки только крутились поблизости, но с его исчезновением — обстрипали все на раз-два.

Как за короткий срок можно развалить крепкое предприятие, мне объяснять теперь не надо. Начались массовые сокращения, распродажа техники. Покатилась вниз дисциплина, специалисты разбежались.

Я один из немногих, переживших величие и закат конторы. Мне жаль сегодня тех, кто приходит к нам устраиваться. Все равно что матросами на тонущее суденышко. Но вариантов в нашем городке негусто. Теперешние хозяева наперебой досасывают из Водоканала последние соки. Спецодежды наши работники не видели уже шесть лет, а также мыла, порошка для стирки и много чего еще. Экзамены по охране труда я провожу формально. Цинично пытаться людей на предмет того, что им положено иметь и чего они не имеют. Благо, что производство у нас не очень опасное: за шестнадцать лет моей работы — три или четыре мелких травмы (тьфу-тьфу-тьфу!).

Жадность сегодняшних боссов такова, что бывший «генерал» со своими замашками выглядит щенком. А запахнет жареным — тогда местного разлива капиталисты попросту свалят отсюда. Известно даже куда: в Болгарию, там у них и недвижимость прикуплена. В будущем эти «хозяева» сделаются добропорядочными европейскими гражданами, начнут исправно платить налоги, а дети их получают отличное образование. И если новые европейцы когда-нибудь вспомнят о своем городе, о разбитом производстве, то не иначе как с брезгливостью. В одной журнальной статейке я вычитал, что человек, как правило, презирает тех, кого обобрал. Я бы тоже, наверно, презирал, если бы умел хапать.

Ну ладно, эти — откровенные жулики. А чиновники наши — они лучше, что ли? Ничуть не бывало! Это она, чиновничья рать, создает многочисленные препоны тем, кто еще продолжает работать. Это под ее аппетиты вынуждены подстраиваться все остальные.

Бумаги, бумаги, тонны бумаг с печатями и подписями, каждая цену имеет. Преодолеть бюрократию можно только «дав», «заплатив», «подмазав». Меня смущает рассуждение, что приписывают Гоголю, о дураках (по поводу дорог все верно), потому что я за свою жизнь никогда не встречал ни одного, даже самого мелкого, самого ничтожного чиновника, который «надурил» бы себе во вред — все только на пользу. Какая-то сомнительная дурость получается.

Хотя, может, я и сгущаю? Россия большая, может, в других местах по-другому? Пусть тогда мои умствования относятся исключительно к одному городу и к одному Водоканалу, на котором работаю...

И тут я обнаруживаю, что уже давно не слежу за текстом. Что едет Чичиков по России без меня, а я в мыслях — не понять где. Эх меня занесло! Далеко заводят дороги, раскинутые Николаем Васильевичем!

Поднимаюсь с дивана и иду топить баню. Ведрами натаскиваю воды, забиваю дровами топку. Железная печка раскаляется, огонь гудит. Жена приходит домой, когда баня почти готова. Варя в хорошем настроении, глаза блестят.

— Татьяна винца от сына привезла. Ихнего, домашнего. Ну так мы его и распробовали!

— И как?

— Хорошо, но мало.

Напевая, Варя включает конфорки, водружает на них две кастрюли и начинает готовить ужин.

— Как она съездила, что там у Никиты?

— Там все замечательно!

И Варя подробно рассказывает о доме в небольшом уютном поселке, о яблонях в саду и о том, что море всего в четырех километрах.

— Никита настаивает, чтобы мать к нему совсем переехала.

— А что Татьяна?

— Пока раздумывает.

Первым мыться иду я. Когда-то без веника не обходился. Бывало, так напаришься, что пот, как горох, с тебя скатывается. Сейчас — нет, опасаюсь за сердце.

День клонится к вечеру, вот и время ужина подоспело.

— Грибной суп и картошка с мясом, — объявляет супруга.

О-па! Я ожидал другого.

— Я суп не буду.

— Почему?

— Не хочу. Я жареных грибов поел бы.

— Ну знаешь, отдельно для тебя готовить не собираюсь!

— Не готовь. Никто и не просит.

Жена демонстративно, до краев, наполняет свою тарелку супом. Я накладываю себе картошки, наливаю в кружку кефира. Ужинаем молча.

После ужина я в комнате включаю телевизор и сажусь на диван. Жена на кухне моет посуду. Через некоторое время входит, устраивается в кресле. Мы по-прежнему не разговариваем. Наконец она произносит:

— У Татьяны кошка скоро должна окотиться. Я сказала, чтобы для нас одного оставили.

И я понимаю, что паршивое настроение у меня не столько из-за сорвавшейся опять рыбалки, сколько из-за Тошки.

— Согласен. Но надо взять мальчика.

— Почему?

— Надоело котят топить. Не по мне это.

— Коты мышей не ловят.

— И не надо. Куплю пару мышеловок.

— Зачем тогда кот?

— Чтобы было с кем поговорить.

Жена дуется. Мы опять молча сидим перед телевизором.

— Ты завтра с утра? — спрашиваю я.

— С обеда, — сухо отвечает она. — Пойдешь на дежурку — разбуди, мне еще планы дописывать надо.

Варя поднимается и уходит в маленькую комнату. Вскоре я слышу, как она начинает бубнить незнакомые слова. Мне, что ли, начать учить английский? Может, на нем мы лучше поймем друг друга?

Такие вот пироги. Я уже давно догадался, как остывают чувства. Это когда даже ссоры становятся вялыми.

Утром во время умывания обнаруживаю на правом ухе, сверху, пару темных волосков. Выдергиваю пинцетом. Не то чтобы очень слежу за внешностью, но терпеть не могу, когда на ушах вырастают волосы.

Сверясь с письмом из пенсионного фонда, собираю документы в пакет.

В дежурке Толик рассказывает:

— А я ведь вчера с другом на рыбалке был. На Яе. Понесли нас черти аж за Медведчиково, к мосту.

— Это ж сколько километров от города? — спрашивает Сергей.

— Почти шестьдесят.

— И как?

— Да-а... Время только зря ухлопали. За весь день десятка полтора придурочных ельцов зацепилось. Давление в атмосфере, наверно, туда-сюда бегало, а им это надо? На обратном пути у обочины тормознули — решили грибов набрать. И тут облом: пара гнилых волнушек, и ничего больше.

— Надо было дальше в лес проехать, возле дорог уже все вытоптано, — подсказывает Сергей.

Вот оно как! А все-таки жаль, что вчера у нас сорвалась рыбалка. Другого случая в этом году может и не представиться...

В кабинете первым делом берусь за протокол с экзаменов на очистных. Прошедшая неделя была заполнена поездками, беготней, и я

откладывал. Надо набрать протокол на компьютере и распечатать. Возьму до обеда.

На полчаса меня отрывает Потапыч. Он появляется в кабинете, подвигает стул к моему столу и садится.

— А! — говорю. — Рыболов! Ты откуда?

— Из поликлиники. На укол ходил.

— Чай будешь?

— А кофе есть?

— Есть. В шкафчике.

Потапыч на четыре года старше меня. До апреля работал у нас начальником участка. Про него и сейчас говорят «башковитый». На любом предприятии люди различаются по способностям, есть среди них умельцы, на которых в основном дело держится. Потапыч из таких. Самые сложные задания поручали ему, все знали: выполнит в лучшем виде, не подведет. У него и народ на участке был под стать: спецы, один к одному, хоть и пенсионеры. А весной сократили. Всех. Потапыч не хотел уходить, соглашался остаться даже рабочим в бригаде. Но и в этом отказали. А теперь те, кто его увольнял, нисколько не стыдясь, обращаются к нему за советами.

— Чем в выходные занимался?

— Ничем. — Он потягивает кофе. — С пятого этажа выглядывал два раза выходил гулять.

— Правильно. Это самые важные занятия для пенсионера. А еще — диван давить!

Он вдруг взрывается:

— Купил бы ты машину! Ездили бы на рыбалку и ни от кого не зависели!

О-па! Мало мне упреков жены.

— А сам почему не купишь?

— Я к машинам равнодушный.

— Вот и я такой.

Он так же неожиданно сникает и молча отхлебывает кофе.

Интересуюсь:

— Картошку на поле копать собираешься?

— Скоро начну.

— Дочки-то приедут помогать?

— Куда там! Одному придется. Моя к ним вчера отправилась — обеда готовить. Они, видишь ли, не успевают.

У Потапыча две дочери, сорока и тридцати четырех лет. Обе давно обосновались в Кемерове. Старшая — главный бухгалтер в крупной фирме, вторая — преподаватель в университете. Купили в складчину трехкомнатную квартиру, живут вдвоем. Обе никогда не были замужем, детей нет. Потапыч внуков уже не ждет.

В обед кипятком заливаю лапшу в пластиковой коробке. Название забавляет: «бизнес-ланч». Пытаюсь представить, как два бизнесмена, заключив сделку миллионов этак на несколько, затем жрут из мисок это варево.

После обеда поднимаюсь на второй этаж — там у нас ксерокс — и снимаю копии с документов. Вот военный билет, где я, двадцатидвухлетний, на маленькой фотокарточке, волосы до плеч — как только вклеили откровенно пижонский снимок в строгую книжцу? Вот трудовая книжка. Здесь прежде всего сердцу дороги записи, связанные с Владивостоком, — от инженера Дальтехрыбпрома до инженера-конструктора первой категории в секторе распорных средств отдела траловых орудий лова НПО промысловства. Вычерчивание траловых досок на ватмане, командировки на промысловых судах в море. И — траления, траления... Есть вопрос, на который последние двадцать восемь лет я никак не могу дать однозначного ответа: правильно ли поступил, что вернулся в Асинск? Иногда мне кажется, что это было самое лучшее решение, иногда думаю, что попросту закопал себя здесь. Теперь, однако, такие мысли приходят все реже. Жизнь заново не переиграешь. Завтра постараюсь вырваться в пенсионный фонд.

В третьем часу, как обычно, открывается дверь и входит уборщица Надежда Петровна со шваброй в руках. У нас в конторе порядок наводят две уборщицы, обе пенсионерки. Варя устает от работы с ребятишками, мечтает устроиться уборщицей. Но эти должности сейчас престижны. На несколько минут оставляю кабинет и из коридора слушаю, как Надежда Петровна делится со мной, что на следующей неделе уходит в отпуск. А отпуск ей нужен для того, чтобы спокойно выкопать картошку и наготовить банок с помидорами и лечо.

— Помидоры у меня нынче — страсть какие хорошие! — чуть ли не поет она. — А вот огурцы хуже. Прямо не знаю, что с ними: погода стоит, а они — сохнут...

Вечером, после дежурки, вспоминаю, что мы с женой не разговариваем, и иду домой с тяжелым сердцем. Не могу я ссориться, процедура замирения потом — для меня мучительна. И ведь из-за чего повздорили — попробуй объясни. Не из-за грибов же, в самом деле. Что мне эти жареные грибы, мог бы и грибного супа поесть. Просто накопилось разное.

Гоню от себя мрачные мысли.

Варя появится только в половине восьмого, у меня два часа в запасе. Надо что-нибудь придумать, найти какие-нибудь извинительные слова.

Поднимаюсь на крыльцо, открываю дверь ключом и через веранду, разувшись, попадаю на кухню.

И, войдя, замираю от неожиданности.

Что это? Ни с чем не сравнимый запах жареных грибов! Волнующий, моментально узнаваемый запах! Да вот же они — на конфорке.

Но и это не все! Варя приготовила их не в новой тефлоновой сковородке, а в *той самой*, хотя мы ею давно не пользуемся. Эта старая сковорода много лет хранится в крытом дворе на одной из полок шкафа среди прочей утвари, почти вышедшей из употребления.

Я, переодевшись и умыв руки, торопливо собираю ужин. Включаю кофейник, нарезаю хлеб. Подогретую сковородку с грибами ставлю на стол.

А память торопится в прошлое.

После школы мы с другом, две безрассудные головы, упорхнули на самолете за тридевять земель поступать на престижную специальность. Город, избранный нами, карабкался вверх на сопки, а у подножия ворочалось Японское море. К причалам боками прижимались суда, над ними с воплями носились чайки. Ветер, налетавший на берег, приносил волнующий запах водорослей и неведомых стран. В понятиях моей матушки этот восточный город был настолько далек, что невозможно представить. Она очень надеялась, что на экзаменах мне поставят двойку и я вернусь обратно. Приемная комиссия судила строго. Я прошел жесткий отбор, когда из десяти человек принимали только одного. И был зачислен на первый курс! И весь мир тут же лег у моих ног: он прямо жаждал служить новому победителю!

Но пока я был сильно занят. Страшно занят. Мне было не до того, чтобы поклониться и поднять его. У меня за каких-нибудь пару недель появилась масса друзей. Пирушки, споры, изучение новых мест — все это не оставляло свободного времени. А еще куда важнее оказалось в субботу вечером скатиться в нижний холл общаги, где с девяти часов начинались танцульки, и потискать при выключенном свете очередную девочку. Так что мир мог и подождать.

И вот после первой, зимней сессии я прилетел на каникулы. Добрался до дома поздним вечером и после сумбурной встречи с охами и восклицаниями матушки, со сдержанными вопросами отца завалился спать. А утром, когда проснулся, услышал, что на кухне на плите что-то скворчит и по дому разносится волнующий запах жареных грибов. Первым делом решил: померещилось, галлюцинация. Но — нет. Матушка, моя добрая матушка! Она осенью отварила и закатала в банки грибы, и они хранились в подполье до моего приезда. Была первая половина февраля, за окном кувыркалась метель, а меня на завтрак ждали опять. И я, подвинув большую чугунную сковородку, уплетал их за обе щеки. Тогда я думал, что это — так, маленький приятный эпизод, который быстро забудется. Однако ошибся. Ничто из того, что согревает душу, пусть это и было много лет назад, не забывается...

Варя сказала однажды по какому-то поводу: даже когда ничего уже нет, все равно что-то да остается.

А пока я, склонившись над сковородой, подцепляю на вилку жареные опять и неторопливо жую, мысли понемногу возвращаются в сегодняшний день. Я думаю о том, что осень — вот она, что скоро начну приходить с работы в сумерках, снова топить печку и следить за тем, как на землю падает снег.

Но сейчас еще тепло. Лето не успело далеко отодвинуться. Оно в целом было неплохое. Я полагаю, через неделю можно копать картошку.